

Новое о пребывании А. С. Пушкина в Оренбурге

Ровно сто сорок лет тому назад, 26 мая (по нов. стилю 6 июня), в Москве у отставного майора Сергея Львовича Пушкина и жены его Надежды Осиповны, рожденной Ганнибал, родился сын Александр, которому суждено было стать одним из величайших поэтов XIX века и вместе с тем сыграть огромную организаторскую роль в истории русской культуры в качестве создателя русского литературного языка и редактора первой русской литературы. «На следует забывать, — говорит по этому поводу Тургенев, — что ему (Пушкину) одному пришлось исполнить две работы, в других странах разделенные целым столетием и более, а именно: установить язык и создать литературу. Подобный подвиг мог быть по плечу лишь гению, как называл Пушкина М. Горький: «Гигант Пушкин, величайшим гордым нами и самое полное выражение духовных сил России...»

Поразительная волеволистая работоспособность Пушкина, которую он обнаруживает на всех этапах своего неслучайного, но блестящего и плодотворного творческого пути. По поводу его «Истории Пугачева» и «Калитанской дочки» один из современных наших писателей — Вяч. Шнирков, сам недавно написавший роман о Пугачеве, правдиво заметил: «Мы знаем о заводах британских, он работал один; нам помогает правительство, ему досаждали в этом деле толпошники, особенно сам Николай... В высшей степени

поучительно проявленная при этом писательская добросовестность Пушкина, в силу которой он не ограничился кропотливым обследованием столичных архивов, но предпринял утомительное путешествие в отдельные восточные провинции, чтобы встретиться с местными старожилками и увидеть своими глазами те места, где происходили события, занимавшие его ле-

гическую любознательность и творческое воображение.

Сведения о пребывании Пушкина в Оренбурге (осенью 1833 года) всегда оторчали исследователей этого момента пушкинской биографии своей неполнотой и некоторой противоречивостью. Это особенно ощущалось 2—3 года тому назад, когда в связи со столетней годовщиной гибели великого поэта местными исследователями был мобилизован весь фонд печатных сведений о его оренбургской поездке и когда все же некоторые моменты этой поездки продолжали оставаться белыми. Непонятен отсюда тот интерес, какой вызывает всякая публикация новых материалов, относящихся к данному вопросу. Такую публикацию мы находим в недавно вышедшем 4-м выпуске «Записок отдела рукописей» Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина (за 1938 г.), где напечатаны отрывки из «Воспоминаний К. А. Буха», служившего в 1833—1836 гг. чиновником в Оренбурге и прибывшего в Оренбург за несколько месяцев до приезда сюда Пушкина.

Автор воспоминаний вносит достаточную ясность в один вопрос, который до сих пор оставался открытым, а именно: занимался ли Пушкин разведками в оренбургском архиве? Утвердительные ответы на этот вопрос, встречающиеся в предположительной форме у некоторых авторов, вызвали естественное сомнение ввиду кратковременности пребывания поэта в Оренбурге (неполных двое суток). Бух прямо свидетельствует, что Пушкин «в местные архивы не заглядывал». В связи с этим обстоятельством произошло позднее (летом 1836 года, в Петербурге) одно забавное недоразумение, которое дало Буху случай лично познакомиться с Пушкиным. Сам Бух рассказывает об

этом так: «Надо сказать, что в Оренбургской пограничной комиссии было много старых, очень интересных дел; но имея никаких занятий по службе, мне вздумалось сделать извлечения из наиболее любопытных дел. Я просил председателя ген. Тонса позволить мне взять на дом толику (так назывались там архивные дела), относящиеся к бегству казаков с берегов Волги в пределы Казанской Монголии и к путающему бунту, что и было разрешено. Немало стоило мне труда разобрать старинные почерки на полустижневых листах, испорченных по разным мыслам. Но я одолел этот труд, составил извлечение».

Когда мы с Штакельбергом (сослуживец Буха по Оренбургу, М. Фр.) уже возвратились в Петербург, а «История пугачевского бунта» увидела свет, Штакельберг, зайдя однажды в книжный магазин Гауэра, услышал разговор хозяйки магазина с неизвестным ему господином об историческом труде Пушкина. Всплывший в разговор, Штакельберг, в пылу дружеских ко мне чувств, сказал: «Разве можно признать эту историю серьезным исследованием, когда Пушкин былши в Оренбурге, даже не дал себе труда просмотреть местные архивные дела; приятель мой, живя в Оренбурге, их разбирал и сделал чрезвычайно любопытные выписки».

Собеседником Гауэра оказался Пушкин, который, отрекимвентованнись растерявшемуся Штакельбергу, изъявил желание познакомиться с его приятелем и с «любопытными» его трудом.

Зависая от смеха и удовольствия, прибежал ко мне Штакельберг и, рассказав свое приключение, советовал поехать к Пушкину.

Пушкин жил на даче на Камешном острове. Он принял меня чрезвычайно

любезно и, просмотрев мою рукопись, просил оставить ее у него на некоторое время. Когда через несколько дней я приехал и Александру Сергеевичу, он мне сказал: «Рупорные Ваши любезности и Вы могли бы извещать ее в виде примечания к моей истории».

Полагая, что Пушкин, пользовавшийся архивными делами Петербурга и Москвы, нашел мало нового в моих извлечениях и только на привидения предложил извещать их, я похорошея их в виду других бумаж, у меня накопившихся, среди которых они впоследствии затерялись».

В литературе об оренбургской поездке Пушкина есть авторитетные утверждения, что в дополнение к архивным материалам столец поэт распознал также пугачевскими «делами», увезенными им из казначейства Перовского (с разрешения председателя). Получив в свое обладание эти драгоценные материалы, Пушкин, надо полагать, потому именно и счел возможным производить разыскания в местных архиве, и ознакомление с «извлечениями» Буха могло лишь убедить его, что в оренбургских архивных фондах действительного не осталось ничего существенно нового для него.

Есть в воспоминаниях Буха и еще одно интересное указание. Известно, что Даль сопровождал поэта в его экскурсиях по Оренбургу и в Берды. Бух же сообщает, что Даль также «едва» провозжал его по станциям уральского и оренбургского казачьих войск и что Пушкин «употребил на пребывание в Оренбурге и поездки по краю всего четыре дня». Таким образом Пушкин выехал из Оренбурга в Уральск не один, а совместно с Далем. Поездка эта должна была занять около двух дней, что вместе с двумя сутками, проведенными в самом Оренбурге, как раз и составляет четыре дня.

Безусловно, очень интересна сделанная Бухом характеристика Дали в его частной жизни, которая как-то легко и естественно переходила у него в жизнь для общества: «Он был необыкновенно деятелен; от пылкого стога переходил к верстаку, к слесарным и другим изобретениям инструментам; нужен ли был инструмент, требовалось ли сделать и приладить задвижку — все готовила и прилаживал он собственными руками. Впоследствии он построил для пешеходов плывучий мост через р. Урал, соединивший город с загородною на противоположном берегу деревню».

Любопытна и зарисовка Оренбурга тех лет, когда посетил его Пушкин: «Наружная физиономия Оренбурга была бедна и непривлекательна. Небольшая кучка больших частных деревянных одноэтажных домов в тесных стенах земляного лада стояла, как в песочнице, напыленная приподнятыми неслучайно улиц; правая, каравансарай посредине самого города со ситуацией к нему и из него башарамы, кирзасами, хивинцами, бухарцами в пестрой одежде, верблюдами, навьюченные или запроженные в арбы, придавали ему полуказачий характер, но и эта окраска, новая для меня, не искушала чувств унылым, которое овладевало при одной мысли, что Оренбург есть место заточения».

К характеристике самого К. А. Буха (род. в 1812 г., ум. в 1895 г.) следует добавить, что впоследствии он состоял в переписке с виднейшими деятелями литературы и современной ему общественности, при чем особое место в его эпистолярном наследии занимает переписка его с М. Е. Салтыковым-Щедриным, свидетельствующая о тесных и дружеских отношениях.

Н. ПРАШНИКОВ.